

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2002 г.

Dictys Cretensis
EPHEMERIS BELLI TROIANI
ДИКТИС КРИТСКИЙ
ДНЕВНИК ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Вступительная статья, перевод с латинского и комментарии

В.Н. Ярхо

«Дневник Троянской войны», известный под именем Диктиса с о-ва Крит, – мистификация, сочиненная неизвестным автором по-гречески (название ее было, вероятно, «Εφημερίς τοῦ Τρωϊκοῦ πολέμου») и переведенная на латинский неким Луцием Септимием. Греческий оригинал датируют либо исходя из отсылок в письме Септимия и в прологе, к временам Нерона, 70-ми годами I в. н.э. (так поступает последний издатель), либо II в. н.э.¹. От него до нас дошли два достаточно испорченных папирусных отрывка, соответствующие главам от начала 9-й до середины 15-й и неполной 18-й из книги четвертой². Из этих отрывков видно, что переводчик достаточно близко следовал оригиналу³, поэтому перевод их, хотя бы в качестве приложения, не имеет смысла. В датировке латинского текста, удержавшего от оригинала название «Эфемериды» («подневная запись»), исследователи колеблются между III и IV вв. Он сохранился целиком, за исключением конца предшествующего ему письма Септимия некоему Квинту Арадию Руфину. Кем был Септимий, неизвестно; имя Арадия Руфина носили консул 311 г. и городской префект в 376 г., однако отождествление хотя бы одного из них с адресатом Септимия остается ненадежным.

Что «Дневник» является фикцией, ясно не только умозрительно (кому могло прийти в голову во время Троянской войны, если она на самом деле была, вести ее дневник, да еще финикийским письмом?), но и по его содержанию: автор достаточно часто описывает события

¹ Так поступает Меркле (*Merkle S. Die Ephemeris belli Troiani des Diktys von Kreta. Frankfurt am Main, 1989*).

² *The Tebtunis Papyri. P. II. № 268. L., 1907; The Oxyrhynchos Papyri. P. XXXI. № 2539. L., 1966.*

³ Собственным вкладом Септимия несомненно являются романизмы: матрона (I. 2; IV. 2), арусипки (II. 26), курия (II. 24), ликторы (II. 33, 49), вторая стража (II. 45), маны (III. 14), турма (IV. 3), легионы (IV. 14), сенат (V. 4, 8, 10), Юпитер Величайший (V. 10).

в Трое, о которых он никак не мог знать. Один раз он, правда, сообщает, что узнал о них от очевидцев (I. 13), но в дальнейшем, вплоть до кн. VI. 10, отбрасывает и эту мотивировку. Впрочем, если признать результатом собственных наблюдений хотя бы греческую часть дневника, то и здесь концы не сходятся с концами: как мог автор, сражавшийся в одной стороне поля, знать, что происходит в другой? Уж и вправду не было ли среди ахейцев специального военного корреспондента, освобожденного от участия в боях?

Смысл же и назначение «Дневника» определяется одной фразой: «Где только возможно, писать все наоборот по сравнению с традицией». Может быть, Диктис (будем условно называть его так) и использовал в этих случаях какие-нибудь неизвестные нам источники, но вероятность этого представляется крайне сомнительной. Скорее всего мы имеем дело с его собственным вымыслом, который придает всему сочинению характер, близкий к популярному в последние века античности мифологическому роману.

Прежде всего, в соответствии с законами жанра отрицается всякая заинтересованность богов в участии сражающихся сторон, и даже, когда допускается такая возможность, она предполагается только как альтернатива случаю (I. 19; 21; II. 30). Неприязнь богов можно разглядеть разве лишь еще в одном эпизоде – отвержении жертв, приносимых троянцами (V. 7–8). В остальном нет ни слова о суде Париса, и не Афродита спасает его в поединке с Менелаем; Аполлон не принимает участия в убийстве Патрокла, а потом и Ахилла. Нет и речи о предсказаниях, в соответствии с которыми Троя не могла быть взята вторично без лука Геракла и привлечения Неоптолема. Афина не побуждает Пандара к провокационному выстрелу; не она вдохновляет греков на сооружение деревянного коня, а Гелен, и к тому же коня этого вводят в Троию пустым; смысл его – в разрушении троянских стен, через которые проникают греки (V. 7, 9, 11). Умалчивается о том, что буря, настигшая греков на пути из Трои, была вызвана Посидоном и Афиной (Од. IV. 492–511; Эсхил. Аг. 650–660; Еврип. Троянки. 69–97). Причина скитаний Улисса – не гнев Посидона, а насилие со стороны Теламона (VI. 55); Афина и не думает помогать в чем-либо своему любимцу.

Но, положим, вера в олимпийских богов ко времени Диктиса и в самом деле сильно потускнела, и он пытается найти событиям чисто человеческую мотивировку. Как обстоит у него дело с героями? Не многим лучше, чем с богами.

Дело не в том, что в традиции подготовка к Троянской войне длится два года, а сама война – восемь лет; у Диктиса же готовятся к войне восемь лет, а длится она немногим больше года. Дело не в том, что Диктис без всякой необходимости заменяет достаточно известные из традиции имена на придуманные им самим (дочь Бриса он называет Гипподамией, дочь Хриса – Астиномой), что некоторых сыновей Приама нарекает именами совсем других персонажей из «Илиады» или создает новые генеалогии (например, родство потомков Даная и Агенора. I. 9; Фетида – дочь Хирона. I. 14; VI. 7), видоизменяет список участников и победителей в погребальных играх в честь Патрокла (III. 17–19) или придумывает еще что-нибудь в деталях – на все такие случаи указано в примечаниях, где учитываются только источники, которыми уже мог пользоваться автор греческого «Дневника».

Гораздо существеннее, что, переиначивая хронологию, опуская одни эпизоды и заменяя их другими, Диктис нарушает логику повествования и поведения персонажей героического эпоса, отвергает все нравственные коллизии, созданные в истории Троянской войны древнегреческой литературой на протяжении по меньшей мере трех столетий, от Гомера до Еврипида.

Так, Ахилл отрекается от гнева, но и греки обращаются к нему с просьбой о примирении не столько по необходимости, сколько из уважения (II. 48), и сам он делает это вне всякой зависимости от гибели Патрокла и убивает Гектора не в открытом бою, а из засады, приуроченной к приходу в Троию Пенфсией с войском амазонок (III. 15), т.е. к событию, происшедшему, согласно традиции, после гибели Гектора. Таким образом, Ахилл оказывается в этом случае отнюдь не героем без страха и упрека. Ненависть же Ахилла к Гектору объясняется тем, что тот выставил неприемлемые для него условия для брака с Поликсеной (III. 1–3). О том, что вся эта романтическая история, включая страдания влюбленного Ахилла и его смерть в священной роще Аполлона Фимбрийского, где он погибает опять же не в открытом бою, а в результате засады (IV. 10–11), восходит к эллинистическому источнику, не приходится и говорить.

Затем, поведению Ахилла в «Илиаде», как известно, в значительной степени служила параллелью «Эфиопида»: у Гомера Ахилл выходит в бой, одетый в доспехи, изготовленные Гефестом, и убивает Гектора, мстя за Патрокла; в «Эфиопиде» Ахилл убивал Мемнона, одетого в доспехи, выкованные Гефестом, мстя за Антилоха, и их поединок составлял неотъемлемую часть традиции, получившей отражение в таких памятниках образцительного искусства, как трон Аполлона в Амиклах, ларец Кипсела и групповая статуя в Олимпии (Павс. III. 18, 12; V. 19, 1; 22, 2). У Диктиса Мемнон тоже убивает Антилоха, но сражает вождя эфиопов Аякс,

а Ахилл только добывает обреченного на смерть (IV. 4–6): опять не героическое единоборство!⁴

Примерно такая же судьба постигла в «Дневнике» самого Аякса, сына Теламона. Его гнев против Атридов вызван присуждением Одиссею не доспехов Ахилла, а Паллады. При сохранении эпической версии, согласно которой именно Одиссей с помощью Диомеда выкрадывал в Трое Палладий, версия Диктиса могла бы иметь под собой какое то обоснование. Но у него оба названных персонажа вовсе не похищают Палладий: его отбирает, угрожая силой жрице Минервы, троянец Антенор, а Одиссей с Диомедом только украдкой переправляют его к кораблям, находясь в Трое в качестве послов о мире. К тому же Аякс у Диктиса не нападает в припадке безумия на стада ахейцев и не кончает жизнь самоубийством, будучи не в силах вынести позор, а становится жертвой убийства, подстроенного, если не совершенного Атридами и Одиссеем (V. 8, 14–15). Таким образом, и здесь вся нравственная проблематика, связанная с образом Аякса от «Малой Илиады» до Овидия, исключается.

Агамемнон не пользуется излишними симпатиями автора и в «Илиаде», особенно в связи с историей Хрисеиды, но чтобы войско отрешало его от власти и заставляло опасаться за свою жизнь (II. 31; ср. V. 15) – такого у Гомера никто не мог бы себе и представить!

Вопреки преданию изображено отношение греков к Филоклету: они оставляют его на Лемносе не потому, что его рана издает нестерпимое зловоние, а крики мешают совершать жертвоприношение, а потому, что там имеются хорошие врачи, специализовавшиеся на исцелении от укусов змей! Эта трогательная забота подкрепляется еще и тем, что Филоклету отсылают на Лемнос часть добычи, привезенной в лагерь греков Аяксом и Ахиллом, и он вместе с ней возвращается к грекам по собственной воле и принимает участие в погребальных играх по Патроклу (II. 14, 33; III. 18); никого за ним и не посылают, не говоря уже о коллизии с участием Неоптолема, развернутой в трагедии Софокла. Впрочем, и сам Неоптолем является под Троем по своей инициативе и совершенно случайно наталкивается на могилу отца (IV. 15).

Что касается троянцев, то Диктис очень преувеличивает роль сыновей Приама и бессилие его самого. Приамиды отвергают возможность возвращения Елены; с угрозами врываются в совет старейшин, где обсуждается этот вопрос; готовят превентивную войну против греков; не пускают в совет Приама и соглашаются с убийством Полидора (I. 7, 8; II. 8, 20; 24–25). Невысокого мнения о своих сыновьях и сам Приам (III. 21). Антенора, который в «Илиаде» выступает, как благообразный старец, сочувствующий грекам и осуждающий Париса, но не менее того озабоченный судьбой своей родины, стали подозревать в измене, вероятно, только со времен Ликофрона⁵, но откровенным предателем, умело маскирующим свои намерения, он становится лишь у Диктиса (IV. 22; V. 1–4). Примерно такая же роль отводится Энею, который в «Дневнике» и не думает покидать сожженную Трою, а остается в ней. Именно за Антенором, а не за Энеем, следуют уцелевшие троянцы, и тот основывает свое царство в Италии (V. 17), а вовсе не Эней в Лации. В остальном вся ситуация с заключением мира и введением в Трою деревянного коня (IV. 22 – V. 11) настолько отличается у Диктиса от общепринятого изложения, что ее почти даже не с чем сравнить.

Подобных отступлений от традиции можно насчитать еще достаточное число в первых пяти книгах, не говоря уже о разных несуразностях в шестой, в которую Септимий свел четыре последние книги «Дневника», так что в этом случае трудно назвать прямого виновника. Едва ли, однако, можно сомневаться, что все подробности в истории утверждения на царстве Пира и в смерти Улисса (VI. 5–9, 14–15) принадлежат Диктису.

Чем объяснить этот, вполне осознанный разрыв с традицией? Здесь, наверное, можно назвать не одну причину.

Во-первых, к концу первого века Римской империи авторитет героической мифологии давно поблек в глазах читателей. Уже много столетий делались попытки ее аллегорического толкования, нашедшие завершение во II в. н.э. в так называемых «Гомеровских аллегориях» некоего Гераклита. В эпоху Августа или немного раньше создается пародия на «Илиаду» – «Война мышей и лягушек». Современниками Диктиса являются два мифографа, известные нам по

⁴ В «Илиаде» Ахилл устраивает погребальные игры в честь Патрокла, в «Эфиопиде» греки устраивали такие же игры в честь самого Ахилла.

⁵ Схолий к «Александр» Ликофрона, 340, объясняет загадочное сочетание $\chi\acute{\epsilon}\lambda\upsilon\delta\rho\omicron\varsigma \ \acute{\omega}\mu\theta\omicron\rho\iota\varsigma$ как указание на огненный сигнал, который Антенор подал из Трои грекам, приплывшим из укрытия близ Тенедоса. Дионисий Галикарнасский (Римск. древн. I. 46) рассматривает предательство Антенора как одну из возможных причин захвата Трои наряду с деревянным конем или какими-либо еще. У Софокла была трагедия «Антенориды», в которой сообщалось, что в ночь взятия Трои ахейцы пощадили дом Антенора в благодарность за гостеприимство, оказанное Менелаю, приходившему в Трою в качестве посла (Страб. I. 53. С. 607). Ни о какой измене Антенора здесь речи, по-видимому, не было.

пересказу в «Библиотеке» византийского патриарха Фотия: Конон и Птолемей Гефестион. Если от первого можно узнать что-то новое об известных мифах, то второй дает полную волю фантазии. Публике явно хочется чего-нибудь необычного, как в наше время при софокловской Электре наставником героини делают католического пастора, Бориса Годунова в опере Мусоргского выводят на коронацию в костюме-тройке, а к «Чайке» Чехова дописывают последний акт в шести дублях, который выворачивает наизнанку все взаимоотношения между персонажами, намеченные автором.

Во-вторых, «Дневник» Диктиса, по крайней мере в первой его половине (если иметь в виду полный объем оригинала), имел очевидную политическую направленность, которую можно назвать антиримской. В самом деле, римляне возводили свое происхождение к троянцам и, в частности, род Цезарей – к Энею, а на греков смотрели с известной снисходительностью (Graeculi⁶).

Между тем в сражениях на троянской равнине, которые Диктис представляет себе на современный ему манер, столкновением строя против строя, троянцы, хоть и выстраиваются по распоряжению командиров, наступают, «как обычно, беспорядочно», быстро обращаются в бегство и при этом едва ли не топчут друг друга в свалке у городских ворот, через которые норовят протиснуться все сразу, становясь, конечно, жертвой преследующих (II. 38, 43, 46; IV. 7, 9, 12, 17, 20). И Эней, как мы видели, остается в Трое, так что роду Юлиев Августов надо искать себе другого предка.

Разумеется, лицемерное поведение греков при заключении мирного договора не говорит об их благородстве, но здесь можно сослаться на закон войны, при котором воинам, утомленным длительной осадой, разрешалось все: *Vae victis!*

Переходя к стилю «Дневника», приходится говорить уже не об анонимном греческом авторе, а о латинском переводчике, которого едва ли можно отнести к лучшим стилистам своего времени. Видимо, желая подражать периодам в языке Цицерона и Цезаря⁷, Септимий «наворачивает» длиннейшие фразы (эта особенность его стиля сохранена в переводе только в тех случаях, когда она не слишком противоречит нормам русского языка⁸), злоупотребляя причастиями – как согласованными, так и в форме следующих друг за другом *abl. absolutus*, добавляя туда же инфинитивные обороты, чаще всего с опущенным *esse*, так что от страдательного инфинитива перфекта и действительного инфинитива будущего времени остаются опять же одни причастия. Часто опускает Септимий вспомогательный глагол и в личных формах страдательного залога перфекта (*cognitum mihi*, VI. 10)⁹. Не являются редкостью безличные формы (*ab omnibus concursum placitumque*, IV. 3; *disceditur*, V. 1) и назывные предложения (*De Penelora eiusque pudicitia praeclara fama*, VI. 6). Особое расположение испытывает Септимий к *infinitivus historicus*, не всегда последовательно соотнося с ним прошедшие времена и перемежая обе формы без особой необходимости.

Трудный вопрос представляют бесконечно повторяющиеся формулы вроде *re cognita, quis cognitis, his actis, per idem tempus, ubi tempus visum est, ad postremum* и т.п. Их можно считать и сознательной имитацией безыскусственного дневникового стиля и результатом ограниченности языковых возможностей автора. Но его очевидная беспомощность проявляется в бесконечном нанизывании всяких *at, atque, ita, dein, turn, sed, ceterum*¹⁰, причем два последних слова отнюдь не всегда имеют исконный противительный смысл, а скорее соответствуют нашему «далее», особенно в начале главы¹¹.

Рукописная традиция «Дневника» сравнительно обширна: насчитывается около 30 кодексов, хотя до конца XIX в. использовался в основном только один из них – G, *codex Sangallensis* 197, saec. IX/X, исполненный каролингскими минускулами и списанный с более ранней рукописи.

⁶ Циц. Туск. I. 86; Об ор. I. 47, 102.

⁷ В ряде случаев реминисценции из языка классических авторов очевидны: *tum vero cerneret* (IV. 7), *parcum in suo atque appetentem alieni* (IV. 22) – из Саллюстия (один из исследователей языка Диктиса насчитал в нем свыше 300 случаев подражания Септимия автору «Войны с Югуртой»); *cum multa de republica ac summa regum dissererent* (V. 4) – из Цезаря и т.п. Сравнительно удачно подражает Септимий ораторскому стилю Цицерона: II. 21–22; III. 21, 25; V. 2.

⁸ Сохранены в переводе также нередкие у Септимия примеры тавтологии.

⁹ В одной из достаточно ранних рукописей (R – *cod. Ambrosianus*, saec. XI/XII) в ряде случаев даже добавлены *est* и *sunt*, чтобы сделать текст понятнее.

¹⁰ Возможно, что таким путем Септимий хотел передать многочисленные *δέ* греческого оригинала? В отрывке из Тебтуниса, сохранившемся не лучшим образом, частица *δέ* повторяется 20 раз в 105 строках.

¹¹ Например. II. 12, 13, 17, 34, 39; III. 6, 13, 18. То же самое касается *igitur*: II. 19, 27, 30; III. 21, 25; IV. 6, 18, 22.

Только в середине XX в. тщательное исследование 15 важнейших рукописей произвел немецкий филолог Вальтер Эйзенхут, с чьего издания и сделан настоящий перевод¹². Заново обследовав найденный в 1902 г. около Анконы cod. Aesinas (E) и привлекая еще несколько ранее не использовавшихся издателями рукописей, Эйзенхут пришел к выводу, что E, составленный, кроме нескольких позже переписанных листов, в начале IX в., и G восходят к одному и тому же оригиналу, что свидетельствует о популярности в Средние века «Дневника», который в оригинале активно использовался в Византии, а в переводе – на Западе Европы, где не знали Гомера и считали Диктиса наиболее достоверным свидетелем Троянской войны.

В то же время выяснилось, что оба эти древнейших кодекса возглавляют две группы рукописей, в чтении которых содержатся известные различия, важные для установления текста. В частности, в одной группе есть письмо Септимия, в другой есть пролог, но нет письма. Возможно, что пролог внесен в одну из ранних рукописей после того, как был записан основной текст, чем объясняются известные разногласия между ним и письмом: из письма следует, что «Дневник» был написан по-гречески, но финикийскими буквами, в прологе и язык назван финикийским; в письме сообщается, что текст был найден в развалинах гробницы Диктиса, в прологе говорится о землетрясении на Крите, разрушившем могилу автора. Достоверности основному изложению это различие не придает, но имеет известное значение для прослеживания рукописной традиции. Большинство рукописей, кроме двух, вышеназванных, включая и малозначительные в текстологическом отношении, относятся к XV в., в последней трети которого (в 1471 г.) в Кельне появилось первое печатное издание «Дневника».

За последующие два века, по 1702 г. включительно, вышло еще 10 изданий, не каждый античный автор мог похвастать таким спросом. Затем интерес к этой фальшивке утихает (в XVIII в. «Дневник» не издается ни разу, в XIX насчитывается три издания) и ненадолго возрождается после опубликования в 1907 г. уже упоминавшихся папирусного отрывка, найденного в Тебтунисе, и кодекса E¹³.

Книга I из «Дневника» Диктиса была опубликована в русском переводе в книге: Памятники поздней античной поэзии и прозы II–V в. М., 1964. С. 314–324. Полный перевод печатается здесь впервые. Отсылки в примечаниях к Аполлодору и Гигину приводятся для сравнения с версиями мифа, принятыми (или придуманными) самим Диктисом; пользоваться сочинениями этих авторов он еще не мог.

Диктис

ДНЕВНИК ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

(Луций) Септимий приветствует Квинта Арадия Руфина

Диктис Критский, который разделил военную славу с Идоменеем, написал дневник Троянской войны сначала финикийскими буквами, которые употреблялись в Греции под влиянием Кадма и Агенора. Затем, много веков спустя после того, как он от старости умер в Гносе¹ (тогдашнем местопребывании критского царя), пришедшие туда пастухи случайно натолкнулись среди других развалин его гробницы на шкатулку, искусно запаянную оловом. Решив, что

¹² Dictys Cretensis. Ephemeredos belli Troiani libri a Lucio Septimio ex Graeco in Latinum sermonem translati. Accedunt papyri Dictis Graeci in Aegypto inventae / Ed. W. Eisenhut. Ed. stereotypa ed. secundae (MCMXXIII). Stuttgart–Lipsiae, MCMXXIV. Первое издание вышло в 1958 г.

¹³ Подробнее об истории текста Септимия см. в издании Эйзенхута (с. XI–XLVI). Там же (с. 134–139) перепечатаны папирусные отрывки греческого оригинала. К списку литературы на с. L–LII надо теперь прибавить Appendix C в ст.: Cameron A. Poetae Novelli // HSCP. 1980. 84. P. 172–175; Champlin E. Serenus Samonicus // Ibid. 1981. 85. P. 189–212 (оба автора отождествляют Септимия с поэтом Септием Серенум Самоником и относят перевод к III в. н.э.); Merkle. Op. cit. (см. прим. 1 – обширный указатель литературы, в котором Меркле уже не успел включить ст.: Timpanaro S. Sulla composizione e la tecnica narrativa dell' Ephemeredos di Ditti-Settimio // Studi offerti a F. Della Corte. IV. Urbino, 1987. P. 169–215, с которым он сильно расходится в оценке литературных достоинств «Дневника». В то время как Тимпанаро оценивает их очень невысоко, Меркле готов видеть в первых пяти книгах стройную драматическую структуру с экспозицией, кульминацией и катастрофой, целую сеть аналогий и контрастов и т.д. (см. гл. 11).

¹ Название города Кнос все рукописи воспроизводят с начальным G.

это клад, они тут же ее вскрыли, но на свет появились не золото и никакая другая добыча, а книжицы, написанные на дощечках. Поняв, что надежда их обманула, пастухи отнесли находку к владельцу этих мест Праксиду, который преподнес ее римскому императору Цезарю Нерону, заменив финикийское письмо на греческое, ибо язык был греческим. За это он был обильно одарен Нероном.

Когда же эти книжечки случайно попали нам в руки, охватило нас, жадных до истинной истории, страстное желание изложить то, что было, по-латыни, не столько доверяясь нашему таланту, сколько из желания нарушить бездеятельность души. Итак, в первых пяти книгах, где содержится описание военных действий, мы сохранили ту же нумерацию, а остальное, о возвращении греков, свели в одну книгу и в таком виде тебе посылаем. Ты же, мой Руфин, как положено, будь благосклонен к начатому нами и, читая Диктиса... (*конец письма в рукописях не сохранился*).

ПРОЛОГ

Диктис, родом с Крита, из города Гноса, жил в одно и то же время с Атридами, был опытен в финикийском языке и письме, которое принес в Ахею Кадм. Он был соратником Идомея, Девкалионова сына, и Мериона, сына Мола, – эти вожди направились с войском против Трои, а ему приказали вести летопись Троянской войны. Итак, события всей войны он изложил на дощечках из липы в девяти книгах финикийским письмом. Вернувшись уже стариком на Крит, он наказал, умирая, чтобы книги его были похоронены вместе с ним. Поэтому, как он и велел, упомянутые липовые дощечки похоронили в его гробнице, положив в свинцовую шкатулку. Однако по прошествии времени, в тринадцатый год правления Нерона, в городе Гносе произошли неоднократные землетрясения, и могила Диктиса раскрылась таким образом, что прохожие могли видеть шкатулку; проходившие мимо пастухи, увидев ее, унесли из гробницы, приняв за клад. Открыв же ее и найдя дощечки, исписанные неведомыми им буквами, тотчас отнесли ее своему хозяину, некоему Евпраксиду². Тот, не понимая, что это за письмо, отдал таблички Рутилию Руфу, тогдашнему консуляру на Крите. Он же переправил их вместе с Евпраксидом к Нерону, полагая, что в них содержится некая тайна. Когда же Нерон их получил и понял, что это финикийское письмо, то вызвал к себе людей, знающих его. Те, придя, все растолковали. Когда Нерон узнал, что это – труд древнего мужа, находившегося под Троей, он приказал перевести на греческий то сочинение, из которого всем стал известен истинный ход Троянской войны. Евпраксид он отпустил к своим, наградив дарами и римским гражданством, а летопись под именем Диктиса взял в греческую библиотеку, – их-то и содержит по порядку нижеследующее изложение.

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Все цари, которые, родившись от Миноса³, были правнуками Юпитера и правили Грецией, съехались на Крит, чтобы поделить между собой богатства Атрея. Ведь Атрей⁴, потомок Миноса, оставляя свое последнее распоряжение, велел поделить поровну между внуками от своих дочерей сколько было у него золота, серебра, а также скота, за исключением власти над городами и землями. Ею, естественно, владели по его велению Идомей с Мерионом, первый – сын Девкалиона, другой – Мола. Итак, прибыли Паламед и Эак, сыновья Климены и Навплия, затем Менелай, родившийся от Аэропы и Плисфена (сестрой его была Анаксибия, в то время замужем за Нестором⁵), его старший брат Агамемнон, чтобы со своей стороны принять участие в дележе.

² В письме Септимия – Праксид; может быть, его описка.

³ *Родицились от Миноса*. – Ко времени Троянской войны традиция относит семь внуков Миноса, но к разделу имущества Катрея (см. прим. 4) имеют отношение только упомянутые в прологе Идомей и Мерион, а также Агамемнон и Менелай.

⁴ *Атрей*. – На самом деле – Катрей, дочь которого была Аэропа, а *внуками* – Агамемнон и Менелай, сыновья Атрея. Несколько ниже Диктис, в соответствии с одной из версий, называет мужем Аэропы Плисфена и пытается примирить обе версии. Впрочем, ошибка могла быть допущена и кем-то из ранних переписчиков.

⁵ Мужем этой *Анаксибии* считался Строфий, царь Крисы в Фокиде, а женой Нестора называли Анаксибино, дочь Кратиея (*Аполлод.* I. 9. 9), либо Евридику, дочь Климена (*Од.* III. 452).

Впрочем, их называли детьми Плисфена не чаще, чем детьми Атрея, по той причине, что Плисфен, царствуя очень недолго и в ранние годы простившись с жизнью, не оставил по себе какой-то памяти, достойной своего имени, Атрей же из жалости к возрасту детей держал их при себе и воспитал не хуже, чем царских. В этом разделе наследства каждый в соответствии со славой своего имени превосходил других великолепием.

2. Узнав об этом событии, к приехавшим стекаются все, кто вел свое происхождение от Европы⁶, — она пользуется в том крае величайшим почитанием; всех благосклонно приветствуют и ведут в храм. Здесь в течение нескольких дней их принимают, слава по обычаю предков жертвоприношениями и щедро выставленным великолепным угощением. Цари Греции, хоть и с радостью принимали то, что им предлагалось, все же гораздо больше были поражены величественной красотой этого храма и его ценнейшим убранством; они многократно рассматривали по отдельности все памятники, которые были доставлены сюда из Сидона Феником, отцом Миноса⁷, и знатными матронами и служили ему величайшим украшением.

3. В это самое время фригиец Александр, сын Приама, гостеприимно встреченный вместе с Энеем⁸ и другими сопровождавшими его родственниками в Спарте, в доме Менелая, совершил недостойнейший поступок. А именно, заметив отсутствие Менелая, он, охваченный любовью к Елене (она и в самом деле вызывала восхищение своей внешностью среди всех остальных женщин в Греции), увез из дому ее и много сокровищ, а также Эфру и Климену, свойственниц Менелая⁹, которые по необходимости последовали за Еленой. После того как на Крит пришло известие и стало известно, что было совершено Александром по отношению к дому Менелая, по всему острову, как бывает в таких случаях, распространятся все больше слухов: рассуждали иные о том, что царский дом-де завоеван, царская власть сокрушена и другое в этом же роде.

4. Узнав об этом, Менелай, хоть в душе его и вздымался гнев из-за похищения супруги, еще больше негодовал¹⁰ на обиду его упомянутым выше свойственницам. И когда Паламед заметил, что царь, ошеломленный гневом и негодованием, не способен принять решение, он сам снаряжает корабли и, оснастив их всеми необходимыми принадлежностями¹¹, подгоняет к берегу. Затем, слегка утешив за короткое время царя и погрузив на корабль доставшуюся ему при разделе долю наследства, насколько при таких обстоятельствах позволяло время, просит его взойти на корабль и при согласно дующих ветрах за несколько дней достигают Спарты. Узнав о происшедшем, туда уже стеклись Агамемнон, Нестор и все из рода Пелопа¹², царствовавшие в Греции. Видя, что прибыл Менелай, все приходят к одному мнению: хотя жестокость содеянного зывала к негодованию и отмщению за несправедливость, все же принимается решение послать сначала в Трою Паламеда, Улисса и Менелая¹³ и поручить им, чтобы они, пожаловавшись на несправедливость, потребовали обратно Елену и то, что было похищено вместе с ней.

5. За несколько дней послы достигают Трои, однако они не застали на месте Александра: он безрассудно пытался ускорить плавание, и ветры пригнали его к Кипру. Взяв несколько кораблей и проскользнув с ними оттуда в Финикию, он ночью коварно убивает Феника, царя сидонян, который его дружелюбно принял, и точно так же, как в Лакедемоне, своей алчностью обращает весь его дом на пользу собственному преступлению. Так, все, что служило демонстрации царского великолетия, велит отнести на корабли, похитив это самым недостойным

⁶ Происхождение от Европы вели Минос (см. прим. 3), Сарпедон (не смешивать с Сарпедоном, вождем ликийцев! См. ниже, I. 18), о детях которого ничего неизвестно, и Радаманф (*Аполлод.* III. 1.1; *Лиг.* 178); к имени его сына Гортиса возводили название г. Гортины на Крите.

⁷ Минос — сын Юпитера от Европы, а Феник — ее брат.

⁸ О том, что Эней сопровождал в поездке Александра, упоминалось в «Киприях».

⁹ Эфра была не свойственницей Менелая, а его двоюродной сестрой. В Спарту она попала вместе с отбитой Диоскурами у Тесея Еленой. См. *Аполлод.* III. 10. 7; *Эпит.* I. 23. Климена как дочь Эфры (см. ниже. VI. 2) упоминается только у Диктиса.

¹⁰ Еще больше негодовал. — Мотивировка нелепая и, к счастью, нигде более не повторяемая!

¹¹ О такой роли Паламеда из других источников ничего неизвестно.

¹² Из рода Пелопа во время Троянской войны царствовали, кроме Агамемнона и Менелая, Аякс, сын Теламона, Демофонт и Акамант, сыновья Тесея. Уже стеклись — Сильное преувеличение: по просьбе Менелая Агамемнон разослал послов к бывшим женихам Елены, которые были связаны между собой клятвой встать на защиту супруга Елены, если права его будут кем-нибудь затронуты. См. *Гесиод.*, фр. 75. 40–47 (*Эллинические поэты VIII–III вв. до н.э.* М., 1999).

¹³ О посольстве в Трою Улисса и Менелая (без участия Паламеда) см. *Ил.* III. 205–208; XI. 138–142. однако оно приурочивается ко времени, когда греческий флот уже находился на подступах к Трою.

образом. Когда люди услышали вопли тех, кто, оплакивая долю господина, избежали захвата в качестве добычи, поднялось возмущение, и весь народ сбегался к царскому дому. Здесь, поскольку Александр, похитив все, что хотел, торопился с погрузкой, местные люди, вооружившись по этому случаю, подступают к кораблям, и возникает ожесточенное сражение со многими убитыми с обеих сторон: одни упорно мстят за убийство царя, другие всячески стремятся не упустить захваченную добычу. Под конец, поджегши два свои корабля, троянцы энергично защищают оставшиеся и высвобождают их. Так они уходят от утомленных битвой врагов¹⁴.

6. Между тем в Трое Паламед, один из послов, чей совет особенно ценится при трудных обстоятельствах и в мирное и в военное время, посещает Приама и в завязавшемся разговоре прежде всего жалуется на несправедливость Александра, подчеркивая оскорбление всеобщего права гостеприимства; затем указывает, какую вражду между двумя царствами возбудит это дело, возрождая в памяти споры Ила и Пелопа¹⁵ и прочих, которые по сходным поводам приводили к истреблению народов. Наконец, Паламед добавляет, что он знает, какие преимущества имеет мир перед трудностями войны, говорит, скольким людям внушает негодование такой жестокий поступок: покинутых всеми зачинщиков несправедливости постигнет кара за бесчестье. Хотя Паламед хотел говорить и дальше, Приам прервал его на середине речи: «Прошу, – говорит, – покороче, Паламед. Ведь мне кажется несправедливым обвинять отсутствующего, особенно, если может так случиться, что предъявленные обвинения будут опровергнуты». Выдвигая такие и подобного рода доводы, Приам велит отложить жалобы до прибытия Александра. Ведь Приам видел, как кое-кого из присутствовавших при совещании взволновала речь Паламеда, так что, хоть и молча, но выражением лица осуждали совершенный поступок, ибо в удивительной речи все было изложено одно за другим и в словах греческого царя присутствовала некая сила, смешанная с жалобой. Словом, в этот день совет распускается, а послов ведет к себе домой с их полного согласия Антенор, муж гостеприимный и среди всех особенно почитаемый почет и порядочность¹⁶.

7. Между тем несколько дней спустя прибывает Александр с вышеназванной свитой; вместе с ним – Елена. При его появлении часть народа в городе проклиняет его беспримерное преступление, другие оплакивают несправедливость, допущенную в отношении Менелая, никто не одобряет поведения Александра, и, наконец, всеобщее негодование выливается в возмущение. Испуганный этим Приам созывает сыновей и советуется с ними о том, что надо делать при таких обстоятельствах. Они в один голос отвечают, что никак не следует возвращать Елену; ведь они видели, какие вместе с ней привезены богатства; все это они по необходимости потеряют, если вернут Елену. Кроме того, взволнованные красотой женщин, которые прибыли вместе с ней, они уже в душе предназначали их себе в жены, потому что, будучи варварами и по языку и по нравам, не терпели никакого раздумья или совета, а действовали, движимые исключительно желанием добычи и похотью.

8. Итак, Приам, отпустив сыновей, созывает старейшин, сообщает им мнение сыновей и потом у каждого спрашивает, что надо делать. Однако, прежде чем они по обычаю начали высказывать свое мнение, царевичи неожиданно врываются в совет и, вопреки обычаям, грозят всем и каждому бедой, если они решат иначе, чем это угодно им самим. Между тем, весь народ, протестуя с негодованием из-за допущенной несправедливости, провозглашает проклятья и брань. Поэтому Александр, влекомый страстной любовью и боясь, как бы против него не восстал кто-нибудь из народа, в сопровождении вооруженных братьев, нападает на толпу и многих убивает. Остальных избавляет вмешательство знати во главе с Антенором, присутствовавшим на совете. Так народ, ничего не добившись, в жалком состоянии и не без потерь расходится по домам¹⁷.

9. На следующий день царь, побуждаемый Гекубой, входит к Елене и, благосклонно ее приветствуя, внушает, чтобы не теряла присутствия духа. Спрашивает, кто она и от кого происходит. Та отвечает, что Александр ей родственник и что она родом ближе к Приаму и Гекубе, чем к сыновьям Плисфена. При этом она воспроизводит всю линию предков: Данай и Агенор – основатели рода и ее, и Приама, потому что от Плесियोны¹⁸, дочери Даная, и Атланта

¹⁴ О захвате Александром Сидона говорилось уже в «Киприях», однако подробности надо отнести скорее всего на счет Диктиса.

¹⁵ *Споры Ила и Пелопа.* – Возможно, имеются в виду притеснения, которые Ил чинил Танталу и его сыну Пелопу. См. Диод. Сиц. IV. 74.

¹⁶ На роль Антенора в приеме послов указывал уже Гомер: Ил. III. 203–207. Ср. ниже, гл. 8, 11.

¹⁷ Ни в каких других источниках сведений о расприх в Трое в связи с похищением Елены нет.

¹⁸ *От Плесियोны.* – Правильнее: от Плесियोны, дочери Океана, которая стала женой Атланта. Данай к этой ветви героической генеалогии отношения не имеет.

родилась Электра; забеременев от Юпитера, она родила Дардана, а от него пошли Трос и вслед за ним – прочие цари Илиона. В свою очередь Агенор родил Тайгету, а та от Юпитера – Лакедемона. От него родился Амикл, от того – Аргал, отец Эбала, который, как известно, является отцом Тиндара, а она сама – его дочь¹⁹. Настаивала она также на родстве с материнской стороны с Гекубой, так как сын Агенора Феник и Димант, отец Гекубы, и Леда ведут свой род от общей крови²⁰. Перечислив все это по памяти, она под конец стала с плачем умолять, чтобы они не вздумали выдавать ту, которую уже приняли под свое покровительство. Она просит не отдавать ничего, кроме ее собственных сокровищ, привезенных из дома Менелая. Было не очень понятно, заботится ли она так о себе из-за безмерной любви Александра или из страха перед наказаниями, которым подвергнет ее супруг за то, что бросила свой дом.

10. И вот Гекуба, узнав о желании Елены и о существующих между ними родственных связях, прилагает все силы, чтобы ее не выдали, в то время как Приам и царевичи больше не заговаривают о том, чтобы отослать послов, и считают нужным не сопротивляться воле народа. Сочувствует Гекубе один только Деифоб, которому томление по Елене, не иначе, чем Александру, мешало принять здоровое решение. Итак, поскольку Гекуба настойчиво умоляла то Приама, то сыновей, и не было никакой возможности от нее отделаться, она всех присутствующих подчинила своей воле. Так, в конце концов, общее благо было разрушено материнской любовью. Затем на следующий день Менелай вместе со своими является в народное собрание, требуя возвращения супруги и всего, что было похищено вместе с ней. Тогда Приам, стоя посреди царевичей, при наступившем молчании, предлагает Елене, находившейся по этому случаю на виду у народа, сделать свой выбор: хочется ли ей вернуться к своим домом. Она же, как передают, сказала, что и не против своей воли уплыла в Трою и что не устраивает ее брак с Менелаем²¹. Так царевичи, завладев Еленой, не без ликования уходят из собрания.

11. После того как все это произошло, Одиссей скорее из желания иметь свидетелей, чем в надежде на результат речи, перечислил все, что было совершено недостойного Александром против Греции, и поэту угрожал скорым отмщением. Затем Менелай, охваченный гневом, с яростным выражением лица, грозя гибелью, распускает собрание. Когда об этом донесли Приаидам, они тайно сговариваются между собой устранить послов коварством; ведь они полагали, что для послов будет правильным выходом, вернувшись на родину без достигнутого результата, побуждать греков в большой войне против Трои. Поэтому Антенор, чей благочестивый нрав мы уже упоминали, приходит к Приаму и сетует, что составлен заговор, поскольку царские сыновья готовят засаду не только против послов, но и против него самого, а этого он не потерпит. Немного позже Антенор открывает правду послам. Итак, произведя необходимую разведку и снабдив послов охраной, он при первом удобном случае отпускает их домой.

12. Пока это происходит в Трое, по всей Греции распространяется молва, и Пелопиды, собравшись все вместе и принеся священную клятву²², решают пойти войной на Приама, если Елена не будет возвращена вместе с похищенным. Послы возвращаются в Лакедемон, рассказывают о Елене и ее желании, о том, что высказали и сделали против них сыновья Приама, особенно подчеркивая верность посольскому праву со стороны Антенора. Услышав это, решают, чтобы каждый в своей области и в своем царстве готовил средства для войны. Итак, по общему согласию избирается подходящее место для сбора, где пойдет разговор о приготовлении к войне, – Аргос, царство Диомеда.

13. Так, когда наступило подходящее время, первым из всех прибыл Аякс Теламонов, которому сопутствовала слава о его доблести и силе, и вместе с ним его брат Тевкр. Затем вскоре – Идомней и Мерион, объединенные между собой величайшим согласием. Я же, сопровождал их, сообщил здесь как можно тщательнее то, что узнал от Улисса о происшедшем ранее в Трое, а остальное, что наступило потом, изложу со всей возможной достоверностью, так как сам принимал в этом участие. Итак, после вышеупомянутых прибыл Нестор с Антилохом и Фрасимедом, сыновьями от Анаксибии, вслед за ними – Пенелей со своими родственниками Клонием и Аркесидаем, потом Профенор и Леит, беотийские вожди, а также

¹⁹ Поскольку и Александр (Парис) и Елена могут возвести свое происхождение, хоть и в разных поколениях, к Юпитеру, аргументы Елены имеют под собой основание. Однако никто до Диктиса не пользовался ими для оправдания права Александра на похищение Елены.

²⁰ *От общей крови.* – Родственных связей между потомками Агенора и Ледой мифологическая генеалогия не устанавливает.

²¹ Недовольство Елены ее браком с Менелаем, как и вообще обращение к ней за решением вопроса о ее выдаче, – новшества Диктиса.

²² *Принеся священную клятву.* – Диктис переносит сюда мотив, связанный со сватовством Елены; см. прим. 12.

фокейцы Схедий и Эпистроф, Аскалаф и Иалмен из Орхомена, Диор и Мегет, сын Пелея, Фоант из Андремоны, Еврипил, сын Евемона, Ормений и Леонтей.

14. После них прибыл Ахилл, сын Пелея и Фетиды, которую считали дочерью Хирона²³. Ахилл в самые ранние годы молодости превосходил всех осанкой, красивой внешностью, стремлением к военному делу, а также доблестью и славой; однако были ему свойственны некие безрассудные порывы и дикая необузданность нрава. Вместе с ним были Патрокл и Феник, один – в силу дружеской привязанности, другой – как его наставник и хранитель. Прибыл затем Тлеполем, сын Геркулеса, за ним последовали внуки Геркулеса Фидипп и Антиф, замечательные видом своих доспехов; после них прибыл Протесилай, сын Ификла, с братом Подарком. Был здесь и Евмел из Фер, чей отец Адмет некогда отсрочил собственную смерть, представляв заместительницей свою супругу²⁴. Были из Трикки Подалирий и Махаон, сыновья Эскулапа, присоединившиеся к этой войне вследствие их исключительного искусства врачевания. Были сын Пеанта Филоктет, соратник Геркулеса, получивший после его ухода к богам его божественные стрелы в награду за свое усердие²⁵; красавец Нирей; из Афин – Менесфей и Аякс Оилеев из Локриды, из аргивян – Амфилох и Сфенел, первый – сын Амфиарая, второй – Капанея, вместе с ними Евриал, сын Мекистея. Затем из Этолии – Фессандр²⁶, сын Полиника; последние из всех прибыли Демофоонт и Акамант. Были все по происхождению из Пелопоннеса²⁷. Однако за теми, кого мы упомянули, последовали многие другие из своих владений, отчасти из царских союзников, другие – сами причастные к царской власти. Перечислять каждого из них по именам кажется нам едва ли необходимым.

15. Итак, когда все собрались в Аргосе, Диомед их гостеприимно принимает и предоставляет все необходимое. Затем Агамемнон, привезя из Микен огромное количество золота, наделяет им каждого и делает всех более склонными к войне, которая готовилась. Тогда с общего согласия решили следующим образом совершить клятву об условиях ведения войны: Калхант, сын Фестора, знающий будущее, приказал принести на середину площади самца свиньи, которого он разрубил на две части, разложив их по направлению к востоку и к западу; затем он велел всем пройти по одному между ними, обнажив мечи. Омочив лезвия мечей в крови кабана и добавив также другие, принадлежащие к этому обряды, все торжественно заверяют, что будут врагами Приаму и не прежде прекратят воевать, чем разорят Илион и все царство. Совершив все и чисто омывшись, они призвали в союзники Марса и Конкордию²⁸, принеся им обильные жертвы.

16. Затем решено было выбрать в храме аргивской Юноны вождя над всеми. Финикийскими буквами все называют имя Агамемнона в табличках, которые каждый получил для выбора удобного ему предводителя похода²⁹. Так по общему согласию при шумном одобрении он принимает на себя высшую власть в походе над войском, которая досталась ему и потому, что ради его брата готовилась война, и по заслугам вследствие его огромного могущества, благодаря чему он считался самым великим и знаменитым среди остальных греческих царей. Затем вождями и предводителями кораблей назначают Ахилла, Аякса и Феника. Во главе пехоты ставят Паламеда с Диомедом и Улиссом, так, чтобы они по очереди делили дневное и ночное время. Сделав это, расходятся каждый в свое царство для подготовки средств и орудий войны. Между тем вся Греция пылала желанием войны: в течение двух лет готовятся лошади, корабли, метательное и оборонительное оружие и все прочее, в то время как молодежь отчасти по своей воле, а другие ради славы в состязании с ровесниками ускоряют занятия военным делом. Однако среди всего этого с особой заботой строится множество кораблей, – разумеется, для того, чтобы многие тысячи воинов, собранных вместе, не промедлили из-за беззаботности перед отплытием.

²³ По наиболее распространенной версии, *Фетиды* – дочь Нерея. См. попытку согласовать обе версии ниже, VI. 7. О желании Фетиды скрыть Ахилла среди дочерей Ликомеда на о-ве Скиросе (*Аполлод.* III. 3. 8; *Гиг.* 96) Диктис умалчивает.

²⁴ См. трагедию Еврипида «Алkestида».

²⁵ *Усердие* Филоктета состояло в том, что он согласился поджечь погребальный костер под еще живым Геркулесом. См. *Сен. Герк. Эт.* 1648–1667; *Гиг.* 36.

²⁶ *Фессандр.* – Правильнее: Ферсандр.

²⁷ *Были все из Пелопоннеса.* – Диктис либо плохо представлял себе географию Греции (Беотия, Фокея, Орхомен, Феры, Трикка, Афины, Этолия никак не могут быть отнесены к Пелопоннесу), либо обозначал этим названием всю Грецию.

²⁸ *Конкордия* – римское божество, персонификация согласия. В Греции ей соответствовала 'Ομόνοια.

²⁹ *Выборы предводителя* – как здесь, так и ниже – деталь из общественной практики полисной демократии. В эпосе нет указаний, что вождей выбирали.

17. Итак, по истечении двух лет каждый царь по возможностям своего царства высылает снаряженный флот к выбранной для этого беотийской Авлиде. Из них первым Агамемнон поставляет 100 кораблей из Микен; во главе других 60-ти, набранных из разных мест, которые были под его властью, ставит Агапенора; Нестор приводит снаряженный флот из 90 кораблей, Менелай со всего Лакедемона – 60, Менесфей из Афин – 50; Эльпенор с Евбеи – 40, Аякс Теламонид с Саламина – 12, Диомед из Аргоса – флот в 80 кораблей, Аскалаф и Иалмен, орхоменцы, – 30 кораблей, Аякс Оилеев – 4, также из всей Беотии Аркесилай, Профенор, Пенелей, Леит, Клоний – 50 кораблей, 40 из Фокиды – Схедий и Эпистроф, затем Талпий и Диор с Антимахом и Поликсеном из Элиды и других областей этого края – 40 кораблей, Фоант из Этолии – 40, Мегет с Дулихия и Эхинадских островов – 40, Идомений с Мерионом со всего Крита – флот из 80-ти кораблей, с Итаки Улисс – 12; 40 – Профой из Магнесии, Тлеполом с Родоса и других окрестных островов – 9; 11 – Евмел из Феры, Ахилл из пеласгического Аргоса – 50; 3 – Нирей из Симы; Подарк и Протесилай из Филаки и других мест, где царствовали, – 40 кораблей, 30 – Подалирий и Махаон, Филоктет из Метоны и других городов – 7 кораблей, Еврипил Орменский – 42 и 20 – Гуней от перребов; Леонтей и Полипет из своих областей – 40; 30 с островов Коса и Крапафа – Фидипп с Антифеноном, Фессандр, как мы выше упомянули, сын Полиника, из Фив – 50 кораблей, Калхант из Акарнании – 20, Моис из Колофона – 20, Эпий³⁰ с Кикладских островов – 30³¹. Все корабли были полны огромным количеством зерна и прочей необходимой еды – так было велено Агамемноном, разумеется, для того, чтобы такое огромное войско не страдало от недостатка необходимого.

18. Итак, при подготовке к отплытию было много, по условиям места, лошадей и военных колесниц, но главную силу составляла пехота, потому что бедность пастбищами по всей Греции мешает употреблению конницы. Кроме того, было много народа, обладающего, как полагали, необходимым опытом в морском деле. В то же самое время ликийца Сарпедона, $\dagger$ не соблазнили $\ddagger$ ни дары, ни расположение сидонского царя $\dagger$ Фалида $\ddagger$ ³², присоединившегося к нашему воинству против Трои, так как Приам удерживал его при себе как самого верного союзника более богатыми подарками, впоследствии удвоенными. Всего же корабли, собранные, как выше изложено, из различных областей Греции, были снаряжены и приготовлены за пять лет³³. Таким образом, поскольку больше ничего не задерживало отправления, кроме сбора войска³⁴, все вожди как бы по данному знаку все вместе и в одно и то же время стекаются в Авлиду.

19. Между тем, в самой спешке при подготовке к отплытию Агамемнон, провозглашенный всеми, как мы выше упоминали, царем над всеми, отдалившись немного от войска, видит случайно близ роши Дианы пасущуюся козу и пронзает ее копьем, не догадываясь о священном почитании, которым было окружено это место. И прошло немного времени, как из-за божественного ли гнева или из-за перемены климата, на людей, круша их, обрушивается моровая язва. Свирепствуя все больше и больше со дня на день, она валит многие тысячи и без разбора поражает скот и воинов. Нет почти никакой возможности совершить похороны или погребение; где кого беда настигала, там он и оставался. Встревоженным этими обстоятельствами вождям некая жена, одержимая богом, указывает на гнев Дианы³⁵: из-за убийства козы, которой она очень любовалась, богиня требует от войска искупления за святотатство и смягчится не раньше, чем виновник такого преступления принесет в качестве замещающей жертвы свою старшую дочь³⁶. Когда эти слова дошли до войска, все вожди приходят

³⁰ Эпий – Правильнее: Эпей, будущий строитель Троянского коня (V. 9. 11). Однако о возглавлявшемся им контингенте в 30 кораблей из других источников неизвестно.

³¹ Перечень контингентов у Диктиса совпадает с гомеровским каталогом кораблей (Ил. II. 494–759) вплоть до ополчения с о-ва Кос включительно. Откуда взяты числа при именах Фессандра, Калханта, Мопса и Эпия, неизвестно.

³² Текст здесь испорчен и смысл неясен. Что сидонцы были враждебны Трое после бесчинств, учиненных Александром (выше, гл. 5; ср. IV. 4), вполне понятно. Однако о том, что Сарпедон отверг их предложение присоединиться к грекам, из других источников ничего неизвестно, как нет сведений об участии сидонян в войне на стороне греков. В «Илиаде» Сарпедон – один из самых верных союзников Приама, и не ради подарков, а следуя кодексу чести (Ил. XII. 310–328).

³³ За пять лет. – В гл. 17-й было указано, что на оснащение кораблей потребовалось два года.

³⁴ Кроме сбора войска. – Надо ли понимать это место так, что корабли были присланы заранее только с экипажем и лишь потом в Авлиду прибыли вожди со своими войсками?

³⁵ На гнев Дианы, согласно всей традиции, указывает Калхант.

³⁶ О выстреле Агамемнона и жертвоприношении Ифигении знали уже «Киприи». См. «Ифигению в Авлиде» Еврипида, а также Овид. Метам. XII. 24–38; Аполлод. Эпит. III. 21–22; Гиг. 98.

к Агамемнону и сначала начинают его просить, а видя его отказ, под конец принуждать, чтобы он поторопился встретить беду. Но когда видят, что он по-прежнему сопротивляется и они никак не могут его смягчить, несмотря на громкие упреки, в конце концов лишают его царских почестей. Однако чтобы такое огромное войско не слонялось повсюду без предводителя и без подобия военной службы, ставят во главе его Паламеда, за ним Диомеда и Аякса Теламонова, четвертым – Идомея. Так войско разбивается поровну на четыре части³⁷.

20. Между тем, поскольку не видно никакого конца опустошению, а Агамемнон продолжает в гневе упорствовать и настаивать на возвращении домой, Улисс выдумал сильное и неожиданное для всех средство. А именно, отправившись в Микены, ни с кем не посоветовавшись, он доставляет Клитемestre ложное письмо, будто бы от Агамемнона³⁸, содержание которого было следующее: Ифигения, как старшая, просватана за Ахилла, и тот не прежде отправится под Трою, чем будет исполнено обещание; поэтому он просит прислать поскорее ее и всё, что нужно для бракосочетания. Кроме того, наговорив много в пользу этого дела, но умолчав о главной причине, Улисс внушает женщине доверие: услышав это, Клитемestра с радостью веряет ему Ифигению, – как вследствие дружеского отношения к Елене³⁹, а главным образом потому, что выдает дочь замуж за столь славного человека. Улисс, сделав это, за несколько дней возвращается к войску и неожиданно объявляется вместе с девушкой в роше Дианы. Узнав об этом, Агамемнон, глубоко потрясенный отцовским благочестием, готовится к бегству, чтобы не принимать участия в столь недопустимо преступном жертвоприношении. Узнавший об этом Нестор удержал его от исполнения намерения, обратившись к нему с длинной речью и пользуясь величайшим даром убеждения, в котором он среди остальных греков был любимым и привлекательным.

21. Между тем Улисс и Менелай с Калхантом, которым это было поручено, удалившись от всех, готовят девушку к жертвоприношению, как вдруг день начинает темнеть и небо покрываться облаками, затем вдруг раздается гром, сверкают молнии, а сверх того со страшной силой содрогаются земля и море, и под конец помраченный воздух лишается света. Немногим позже обрушивается со страшной силой ливень с градом⁴⁰. Во все время, пока бушевала без передышки такая буря, Менелай вместе с теми, которые готовили жертвоприношение, испытывал противоположные чувства – страх и сомнение: он боялся, во-первых, что неожиданная непогода является божественным знамением, во-вторых, что войско понесет урон, если не будет завершено начатое. Между тем среди такого его душевного сомнения из роши раздался некий голос: божество отвергает такую жертву и поэтому следует отступить от девушки, которой страдает богиня; в остальном Агамемнону будет уготована за такое преступление достаточная кара со стороны его супруги после победы над Троей. Пусть-де они позаботятся принести в жертву то, что найдут на замену девушке. Тут ветры и молнии, и все прочее, что обычно возникает при возмущении на небе, начало успокаиваться.

22. Но пока это происходило в роше, Ахилл в свою очередь получил письмо, посланное Клитемestрой, в котором она веряла ему дочь и весь свой дом. Так как вдобавок к этому раскрылся и замысел Улисса, Ахилл, оставив всех, спешно устремляется к роше, громким голосом зывая к Менелая и его сообщникам, чтобы воздержались тронуть Ифигению; он грозит им гибелью, если ему не повинуются. Вскоре после того сам он появляется и при возродившемся дне увлекает девушку, в то время как остальные стоят, пораженные, в оцепенении⁴¹. Пока же они все размышляют о том, где и что найти для приказанного жертвоприношения, предстает им перед самым алтарем без всякого страха лань удивительной красоты. Решив, что она и предназначена волей божества для принесения в жертву, они, схватив ее, вскоре совершают жертвоприношение. По окончании этого моровая язва успокоилась, и прояс-

³⁷ *На четыре части.* – Об отрешении Агамемнона от верховной власти и замене его Паламедом писал Птолемей Гефестион (см. Фотий. 150b). Назначение четырех новых командующих никакого подтверждения в традиции не находит.

³⁸ *Письмо, будто бы от Агамемнона.* – О вызове Ифигении под предлогом бракосочетания с Ахиллом сообщалось уже в «Киприях». О письме Клитемestre см. *Еврип.* Иф. А. 97–112, но там его посылает сам Агамемнон и потом пытается отменить свое решение.

³⁹ *Вследствие дружеского отношения к Елене.* – Видимо, Диктис хотел сказать, что участие Ахилла в войне ускорит возвращение Елены (Клитемestра приходила ей старшей сестрой), к чему последняя, впрочем, вовсе не стремилась (см. выше, гл. 10).

⁴⁰ Все это описание почти космической катастрофы, равно как и предсказание будущего Агамемнона, не находит поддержки в традиции до Диктиса.

⁴¹ *Вмешательство Ахилла* в судьбу Ифигении имело место у Еврипида (Иф. А. 919–1035, 1338–1368), но не в столь радикальной форме.

нившееся небо приняло прежний летний вид. В остальном же Ахилл и те, кто возглавлял жертвоприношение, тайно от всех вручили деу скифскому царю, правившему в то время⁴².

23. А вожди, когда увидели, что страшное бедствие утихло, направление ветров благоприятствует отплытию и лик моря приветлив, с радостью приходят к Агамемнону, утешают его, глубоко опечаленного потерей дочери, и со славой возвращают ему царские почести. Такое поведение было одобрено и принято всем войском, поскольку каждый воин почитал Агамемнона наилучшим для себя советчиком, не меньше, чем родного отца. Агамемнон же, потому ли, что достаточно хорошо знал тех, кто возглавил посольство, или, взвесив в уме неизбежность человеческой доли, оказался поэтому очень стойким перед лицом бедствий; изображая забвение происшедшего с ним, он принимает почетную должность и в тот же день собирает всех вождей к себе на пир. Несколько днями позже войско, распределенное по вождям, с наступлением времени, удобного для отплытия, грузится на корабли, полные множеством ценностей, принесенных обитателями той области. Остальное – зерно, вино и прочую необходимую еду предоставил Аний и его дочери, которые слыли энотропами⁴³ и жрицами божественного священнодействия. Таким образом, войско отплыло из Авлиды.

(Продолжение следует)

---

⁴² Вручили скифскому царю. – Каким образом Ахилл и все прочие нашли в Авлиде скифского царя, остается тайной Диктиса.

⁴³ Энотропы – превращающие воду в вино. Они упоминаются в «Киприях» и у Овидия в «Метаморфозах» (XIII. 632–674).